

Асель

Омар

АЛФАВИТ

Слово может солгать, буква – никогда.

А – Астролябия

Человек, который придумал алфавит, умер, но алфавит до сих пор живет. Путь лежал к алфавиту – из Москвы в Будапешт и далее в Венецию, путь к книге Codex Cumanicus – сначала к копии, а затем к оригиналу.

Современный мой путь совпадал частично с древним путем этой книги, попавшей из Куманской земли в Венецию, и тем был еще более ценен, поскольку давал пищу осмыслить не только текст, но и все, что его окружало тогда и сейчас, прочувствовать то, что давало этому тексту пищу и кровь, что составило, в конце концов, его тело. Люди и города, по которым пролегал путь книги, их слова, имена, их повседневная жизнь, мечты и надежды, их победы и сражения, их изящные искусства и деятельное участие сопровождали меня, как сопровождает корабль в море морской инструмент – точный и прекрасный.

Астролябии, выставленные в залах Венгерского национального музея периода Средневековья и турецкого владычества, являли собой оригиналы весьма изящные. Астролябия значится в словаре как *astrolabe*, *astrolabium*, *asturlāb* – одно из космополитичных слов Кодекса, не требующее специального перевода. Миниатюрная астролябия неизвестного мастера из Магриба упоминается впервые в десятом веке в «Книге картины Земли» астронома ибн Корры, как, несомненно, прекраснейшая для определения азимута и незаменимая в исследованиях по сферической тригонометрии, измерения земных предметов, определения высоты звезд и широты земных просторов. Это астролябия усовершенствованной формы, не обремененная излишествами, линейная и простая, которую можно было использовать на любых широтах. Золотые небесные сферы и изогнутые лапки «паучка», на резной подвеске.

Рассказывают, что монгольский хан Хулагу хотел знать будущее. Будущее, что в виде гаданий представляли ему монгольские маги и колдуны, казалось ему смешной и глупой сказкой, и он велел казнить всех своих магов и гадателей за их неумелость. При осаде Багдада Хулагу сказали, что о будущем он может узнать из рукописей Бируни и ибн Корры, так же как и о движении звезд, огромности земли и морей, тайных путях морских кораблей и еще о том, что лежит вне пределов

земли, там, далеко в небесах. Хулагу приказал принести ему рукописи из библиотеки Дома мудрости. По преданию, Хулагу взял в руки свитки, увидел чертежи и тригонометрические расчеты, карту небесных тел – и ослеп на один глаз. Рассвирепев, хан бросил свитки в Тигр. На глазах солдат и архивариуса библиотеки вода великой реки смыла с плотной бумаги чернила. Архивариуса пробрала дрожь, когда увидел, что на поверхности воды текст со свитка держался в целости, и этот неизвестный нам библиотечарь смотрел на тексты, не в силах оторвать взгляда под крики Хулагу о том, что он не понимает этих слов, дьявольских букв читать не станет, о чем бы они ни говорили. Багдадский библиотечарь все смотрел на тексты на воде, это были отрывки из «Статики» ибн Корры и чертежи Бируни о небесных телах, смотрел, пока рука хана с кинжалом в руке не оборвала его жизнь и кровь архивариуса не смешалась в водах Тигра с чернилами рукописи. Багдадцы и сегодня помнят, как тексты еще долгое время появлялись порой на поверхности воды, но не верили своим глазам, повторяя, что верить воде нельзя, а можно верить только бумаге.

Астролябия прожила две тысячи лет, начиная от первого ее экземпляра до последнего, не всякая на земле техническая вещь имеет такую долгую историю. Полагаясь на ее точность, логичность, лаконизм и красоту, человек открыл все земные и морские пространства, она помогла его любопытству искателя, как и теперь воодушевляет на поиск, дарит жажду нового, неизведанного, волнующего. Подлинная страсть к изучению астролябий ведома лишь знатокам, однако лучшие ее образцы способны очертить путь мысли, которая столько веков подвигала людей к испытаниям порой более рискованным, чем получение знания, к подвигам не только исследовательским, но более всего коммерческим и завоевательным, что было фактически одно и то же. Это ее изящные формы, ее механизм безотказный и тонкий служат и по сей день символом устремлений и побед человеческого ума. Сила и слава древнего компьютера распространилась на всю сердцевину Евразии, от Кордовы до Лахора, от Лондона до Александрии.

В – Букейханов

Яркая, наполненная жизнь Алихана Букейханова неслась, как корабль в бурном море. От благополучной пристани сына состоятельных родителей до Петербурга, Учредительного собрания, через штормы русских революций. Первый арест в Петербурге, где он подписал «Выборгское воззвание» о гражданском неповиновении. Высылка в Омскую тюрьму. О причинах ареста мы можем подробно узнать из письма «Почему я вышел из партии кадетов» о его категоричном мнении о независимости Туркестана. Он, мечтавший о ней и только о ней, приблизивший ее, обосновавший ее, погибший за нее, объяснил все открыто и ясно, об этом мы читаем в его рукописи: «Отмечу в качестве сути расхождений стремление товарищей по партии и масонских “братьев” сохранить империю при существующих границах». Перо бежало по бумаге, опасное и тонкое, предвещаая перемены для империи и для каждого живущего в ней: «Для всех народов России взошло солнце братства, равенства и свободы... Боритесь за единство и справедливость!.. Не бойтесь никого, кроме Бога, трудитесь усердно, поддерживайте новое правительство...»

Второй арест произошел в Москве. Кто не знает этого знаменитого адреса, для всякого моего соотечественника дорогого и священного? Большой Кисловский

переулок, дом четыре, светлый, с круглыми эркерами, чугунными вензелями решеток над парадным крыльцом. Стучат колеса бричек по каменной мостовой. Сюда он поселился по приглашению Ленина, не ожидая, что его привезут в эту огромную роскошную квартиру, а не сразу в тюремную камеру. Но путь на Голгофу был задуман вполне иезуитски.

Под летним дождем мостовая блестела, будто промасленная, погода стояла прекрасная, латунная уступка скользила, он вышел из экипажа, швейцар отпер дверь. Отсюда его увезли в Бутырскую тюрьму (по нашим временам, совсем близко – десять минут езды на авто) уже в последний раз. Приговор и расстрел приходится на одну дату, слова, приписываемые ему, скорее всего, выдумка, поскольку никто не мог засвидетельствовать их: «Я не любил Советскую власть, но признал». Ему был семьдесят один год, говорят, он уже не оправдывался, не пытался спастись, понимая, что это невозможно и что это последний арест. Как ни искала вдова после смерти мужа, никаких следов конфискованных писем, библиотеки, рукописей она не нашла, все уже было похищено неким частным лицом из НКВД. Тайна писем так и осталась за семью печатями. Ему не простили дружбы с Керенским, переговоров с атаманом Дутовым, не простили воззваний: «Запомните, крестьяне, рабочие и солдаты, большевики считают буржуазным предрассудком ответственность перед народом правителей, свободу слова, свободу печати, свободу собраний, всеобщее прямое тайное голосование, неприкосновенность граждан и депутатов, власть народа...» Букейханов и сейчас как старая взрывная мина: опасен и силен, ждет, когда сработает механизм, им созданный.

Я стою на Донском кладбище перед общей могилой расстрелянных в 1937–1938 годы в Бутырской тюрьме, снег присыпает могильный холм, он, словно еж колючками, покрыт маленькими табличками с именами убитых и замученных. И я глажу руками камень, расчищая мокрый снег. «Букейханов Алихан Нурмухамедулы, 25.03.1866–27.09.1937, Нурмаков Нигмет Нурмакулы, 25.04.1895–27.09.1937». Сколько же расстрелов было в этот день в Бутырке? Букейханов, «Алаш» – они заплатили по нашим счетам своей кровью на много лет вперед.

Ты помнишь это?

C – Codex Cumanicus

«Alfabetum Persicum, Comanicum et Latinum Anonymi scriptum Anno 1303. Die 11 Julii», как называет книгу библиограф Якоб Филипп Томасини в каталоге рукописей Венецианской библиотеки, открывает свои страницы итальянской бумаги. Читая эти строки, оцениваешь гармонию и лапидарность каролингского минускула, краткость и удобство чтения этого письма было по достоинству оценено, поскольку усердно использовалось в переписке Половецкого епископства. Продвижению минускула способствовало и назначение в 1228 году Папой Римским приора венгерских доминиканцев Теодориха епископом половцев, когда король Бела присвоил себе титул «короля куманов».

Сколь длинный и сложный путь проделал этот небольшой по размерам манускрипт, размером с две ладони, от берегов Крыма, из стен францисканского монастыря, до Венеции, через Будапешт, где он оставил своего близнеца, копию, что его касалась рука Петрарки, как и первые руки тех, кто собирал и писал его? И теперь его ждет новая дорога, он пройдет через руки новых переводчиков, и его волшебная тень уже рассыпается по городам и весям современной половецкой земли.

Первый, беглый взгляд обнаруживает слова, живые по сей день, ничуть не изменившиеся. «*Sende, mende yok, tavda yok, ütlü taşta yok, qırçaqta yok. Ol, quş süit-dir*». – «Нет ни у тебя, ни у меня, ни в горах, ни в каменных пещерах, ни у кипчаков, что это? Птичье молоко». «*Intellexi – anladim, intelligo – anglarmen, intellexeramus – anlamiş edik*». – «Понял, пойму, поняли». Глаголы подробно разобраны: «*Imperfectum, Perfectum, Futurum...*» Лексика купцов, парикмахеров, скорняков, писцов, красильщиков, врачей, язык благородных, словарь чувств комплиментов, возражений, времени, пространства...

Кодекс Куманикус, птичье молоко нашей жизни, он и есть, и его нет, как сказка, он существует и манит к себе, но насладиться им в полной мере кажется невозможным, так он многолик и говорит словами бога и завораживающими загадками. Его содержание – чудо и прелесть языка, тайна и сила, красота и величие. Это живая бабочка, прилетевшая из дальних времен, но сегодня блистающая драгоценным блеском своих крыл. «*Tap, tap: tamiziq, tama-dir tamiziq, kölägäsi bar köye-dirgän tamiziq. Ol, köbelek*». – «Угадай, угадай: капля, капающая капля, горящая капля, у которой есть тень. Это бабочка». Угадай меня, если сможешь, говорит Кодекс. Горящая капля времени. Так говорят каменные скрижали, вечные стражи степи, возвышающиеся среди ковыля и емшан-травы, овеваемые ветрами времени, хранящие перед лицом космоса начертанные на них буквы, ибо к небу и космосу обращены их священные и в то же время доступные людям знаки. В проповеди об отпущении грехов переводчик-миссионер просит божьей помощи, «чтобы Он позволил мне как можно быстрее и лучше научиться языку, хорошо изложить вам слово Божье о прощении всех и вся».

Бог в Кодексе имеет несколько имен: Тенгри, Тенгри-бей, Христус. В покаянной молитве Кодекс называет бога просто и ясно – Тенгри, имя старого тюркского бога вплетается в строки Евангелия в роли Бога-отца, а порой и Бога-сына, как в вышитое покрывало вплетаются цветные нити: «Молю Деву Марию, Святого Франциска, всех святых, пусть помолятся за меня Тенгри, да смилуется Он над грехами моими. Ты, духовный отче, волею Тенгри прости мне грехи мои!»

Д – Дунай

Говорят, что посреди битвы турул принес раненому, теряющему силы князю Ракоши не только меч, выпавший из его рук, но вместе с мечом мощь и ярость самого Атиллы.

В двух шагах от старого роскошного отеля в старой Буде, где мне достался великолепный номер с высоченными потолками, антикварным комодом и узким длинным окном, колыхающим тонкую белую штору, – основательное и крепкое здание железнодорожного вокзала, несущего ореол классического немецкого замкового стиля, предок Павелецкого и Ярославского вокзалов. Минувя его, оказываешься у моста Свободы, висящего на цепях над охристого цвета водой. Каменные турулы распростили свои крылья, возвещая о великом переселении народов. Скажи, божий вестник, птица-турул, глубока ли вода дунайская? Холодна ли?

Мощная и сильная река катит свои воды тихо, ровно, словно погруженная в самосозерцание, и не беспокоит ее даже плавное движение большого теплохода «Иоганн Штраус». Вдали, по сторону Буды, плотными рядами выстроились вдоль набережной добротные дома плотного венгерского модерна, катил трамвай, темнели барельефы советского происхождения с вооруженными матросами на

стене старинного дома, вдали просматривалась тонкая фигура Петефи. По другую сторону, в Пеште, средневековый замок с острым шпилем опирался на скалу, словно он вырос из нее. И вместе с мощным, монументальным движением Дуная вдаль уплывал великолепный город, красивый и богатый, словно гигантский ларь, наполненный ценностями. Холмы Дуная, спускаясь к воде, блистали куполами соборов и дворцов, не скупясь на роскошь и блеск. Формы куполов вобрали в себя все разнообразие христианский учений. По архитектуре можно прочесть историю венгерской религиозности. Будапешт – венгерский Рим, так много эпох собрано здесь, отлито в богатом разноцветье камня, щедрых архитектурных формах. Эта земля хранит город, как магический кристалл, в котором отражено все, что здесь происходило многие столетия. Взглянешь на любой будапештский вид, и не спутаешь его ни с каким другим городом, узнаешь сразу: это Будапешт, красивейший город мира.

Неподалеку от отеля в корчме «Сербская утка» меня ждал сопровождающий, которого рекомендовал наш научный руководитель. Он говорил по-английски и по-венгерски, аспирант Львовского университета, специалист по караимскому языку Ивано-Франковска, Луцка и Паневежиса, Александр Палий, как он представился в электронном сообщении. Готовясь к встрече, я подумала, что, конечно, надо произносить «Олэсь», с ударением на первом слоге.

Е – Est

Латинское *est* отделяет мир мертвых от мира живых. Жаль, что в русском языке слово это отмирает, и мы не говорим теперь «Он есть человек», а только «Он – человек». Жизненная сущность небольшой частицы ставит все на свои места, подчиняется логике, делит время на прошлое, настоящее и будущее, дает имена и определения всему сущему.

Надгробия кладбища Сан-Микеле залиты солнечным светом, мир вокруг многоцветен и горяч, море теплое, ласковое и мирное, по верхушкам милых гладких волн прыгают солнечные блики, в воздухе разлиты кипарисовые ароматы. Мир так радостен и уютен, что кладбищенское молчание не может вытеснить его из сознания, мир – есть, и с миром покоятся на Сан-Микеле ушедшие в мир иной. «*Mors est portae, et omnis includitur*» – говорит старый длинный прямоугольный камень неизвестного мне предка, на макушке камня – маленькая каменная чалма по обычаю крымских соплеменников, буквы потертые временем, но прочесть можно: «*Смерть есть дверь, и каждый войдет в нее*», ниже – маленький крест, тамга рода мадьяр и имя – *Andrea Kaiali*, рядом – *Мариам Кайяли*. Книга открыта на первой странице, и тот, кто умер, сообщает нам истину о бытии. Память и разум могут сколько угодно реять в поиске разгадок, торговец ли это был, воин, монах, писарь? Или он обжигал глину, ковал оружие, делал бумагу, был приказчиком в лавке пряностей, и его платье пахло кумином? Теперь этого не узнать, верно и точно только то, что он жил и теперь лежит здесь, человек из рода мадьяр. Жизнь исполнилась до конца, интуиция полна конечной информации, лаконичный язык латыни слился с жизнью.

Чтение эпитафий настраивает на философские размышления, хранит в себе сжатое высказывание о прошлом, настоящем и будущем, скупые строки эпитафий, особенно старинных, уже сами по себе есть смысл, нечто законченное, наполненное интуицией бытия. Все же потребность использовать частицу «есть»

велика, это слово необходимо, хоть и делает стиль несколько старомодным. Подобно тому, насколько «смерть есть дверь», выражение «я есть» означает «я смертен», потому как логически «я бессмертен» – невозможное утверждение. Когда человек открыл формулу «я есть», он, в сущности, открыл точку отсчета в познании мира и себя самого.

Без понятия о смерти, конечности человеческого существования невозможно было бы существование понятия «я» вообще. Человек взывал к знаку на камне как символу вечности, способному унести в даль будущего. Так говорит нам и сегодня с каменной стелы от лица умершего хана «Надпись в честь Кюльтегина», где в тексте памятник рефреном называется – «он»: «...сердечную речь мою знайте, сыновья десяти стрел, смотря на него. Его я поставил... если до настоящего времени он есть в месте дорожной остановки, то знайте, я и воздвиг его, и сделал на нем надпись! Смотри на него, так знайте: тот камень я воздвиг, эту надпись писавший есть внук его Йолыг-Тегин».

И так говорил со мной камень на кладбище Сан-Микеле. Кайяли, конечно, итальянизированная форма его фамилии. Как звали этого человека на самом деле – Кайа? Кайалы?

Речной трамвайчик, укачивая, потихоньку удалялся от берегов Сан-Микеле, остров все уменьшался, укрывая за своими каменными стенами вековые тайны, он укрывал их навсегда.

F – Fabulas

Опять о чудесных выдумках. Волшебные сказки, чудо-шкатулки с драгоценностями, радость и счастье волшебного эпического жанра, магия выдумки, способной разволновать и согреть сердце жителя мегаполиса, как горячий медовый отвар. Маркес, Фолкнер, Куросава, Гоголь.

И когда метро дыхнет на тебя запахом креозота, а сзади подтолкнет в теплое чрево андеграунда колючий ветер ноября, чувствуешь – неудобно, плохо, темнеет рано, темно и холодно, люди мрачные, небо серое, запах креозота. Зайдешь домой, в квартиру, где топят по-московски жарко, и под свет настольной лампы в ранний осенний вечер, под шелест дождя за окном читаешь: «Я был человек, созданный по соизволению самого Черного Ворона... Судьба моя predetermined с рождения – не ведать, пока живу в Среднем мире, никакой неудачи, не подвергаться случайному несчастью». Получается, состояние человека можно преодолеть. А как же тогда быть со смертью?

И так любопытно становится, хочется читать дальше и дальше, и беспощадная колючая московская осень становится вдруг спокойной и уютной.

G – Gemini

Небо дышит майским теплом и покоем. Изредка набегают маленькое облачко, густое, как взбитые сливки, и день на несколько мгновений сереет. Но вот снова нежная листва радостно шелестит в солнечном свете, оставляя на сухом асфальте дырчатую тень.

Ветер доносит струнную какофонию из открытых окон оперного театра. Молочно-фиолетовые сугробы сирени громоздятся по верхам аллей, сиреневое море играет цветом от холодно-голубого до почти белого, сливочного, и утренний сиреневый запах густ и прекрасен, – кажется, он защищен в своей щедрости

и открытости, дух захватывает, и взгляд никак не может допьяна напиться этой пенной прелести. Стволы сиреневых кустов спиральные, у основания голые, и сквозь прозелень можно легко разглядеть их замысловатые узлы.

Вдоль центральной аллеи – три миниатюрных, словно игрушечных, круглых фонтанчика красного гранита, чуть ниже – памятник Ауэзову, далее следуют ступенчатые фонтаны с резным гранитным узором. Стоя по колено в воде, мы в детстве ловили в них головастиков. У этих фонтанов под шариками фонарей ближе к вечеру собирались местные пенсионеры. Приходил сюда и мой дед – в полотняной «ленинской» кепке и льняном френче с отложным воротником и большими накладными карманами, по моде хрущевских времен. И многие старики носили такие же кепки и френчи. Сюда приходили журналисты, литераторы, ученые – похожие на моего деда, с «Известиями», «Спортом» или «Правдой» под мышкой.

Обернешься назад, на горы, поднимешь глаза к туго натянутому утреннему атласу неба, покрытому жидкими облаками, на всю благодать моего родного города, и в который раз удивись прелести весны, красоте регулярного парка, невозмутимому спокойствию воздуха и отцветающим тюльпанам. Все наполнено светом, и горы эпически вечные, словно каррарский мрамор, выдают в утреннем мареве каждую холодно-синюю прожилку, их вершины сеют в вышине равнодушный ко всему сахарный блеск.

Вечером огненно-рыжие закатные краски расцветят небо, горный бриз растреплет облака, и круглое солнце будет медленно опускаться в колючие залежи туч. На прощанье пискнет сонный щегол, и в мягкой тьме южных сумерек разольются терпкие ароматы молодой зелени, способные очаровывать, как самые лучшие местные вина. Тебе, мой город, я посвящаю этот вояж, полный загадок и трепета путешественника перед неизведанным, вояж, дышащий волнением ученого перед тайнами герменевтики, перед чудом прикосновения к источнику. Колыбель моя и материнское плато, будьте благословенны. Колыбель человеческая висит над миром, над звездами и облаками. Будь благословен и ты, спелый алма-атинский май, вестник Эдемской погоды, город под знаком Близнецов, я люблю тебя, и каждый год жду, как счастье и надежду.

Н – Hungarian

Кровью ли написал ты, автор несчастный? Или чернилами? Будапештская библиотека, где хранится копия Кодекса, снова принимает в свои объятия. В «Венгерской орфографии» Матяш Деваи указывает, что притяжательные склонения имен происходят по половецкому типу, например, *könyvem* — «*моя книга*». Эмоциональное значение грамматики чрезвычайно велико. Скажем, радостное чувство вызывает уверенный суффикс *-er*. Придет – *geler*. Знающий – *biler*. Бряцающий, как звук энергии, звук металла в кузнице, он придает сил. Интересно изучать язык чувственно, и только потом как систему. Чувственность помогает прийти к стройности в осознании структуры и стиля, развивает память, эмоция помогает запоминать. А стиль? Что стиль? Легкомысленный друг – соединение ума и красоты, рациональности и безрассудства, то, что невозможно постичь логически. Прилежание и старание нужны, чтобы познать его законы, но при этом после можно создать и свой собственный стиль. Как объяснить эту текучую массу? – Лукавство, да и только. Стиль – чертова погрешка. Ремесло с загадкой, доступное многим, но мастерство избранных.

О жизненной сущности языка говорит, например, то, почему глагол в повелительном наклонении короче инфинитива, его породившего. Разумеется, повелительное наклонение, или, как говорится в Кодексе, *emir*, – проявление власти, не утруждающей себя церемониями и сантиментами, проявление чистой силы, абсолютной воли. В этом вопросе языковедение обнимается с философией, но все равно лингвисты, эти теоретики, никогда не перешагнут трепетной грани искусства, чувствуя, между тем, ее вполне определенно. Не переступят, и верно и будут правы – хотя что может быть вполне определенным и верным в науках о духе – ничего, разумеется. Вот если бы выпало жить тригонометрией, была бы другим человеком, с другой судьбой, человеком, знающим толк в удовольствии от симметрии или пропорции. От логики. Тригонометрическую функцию воспринимаешь, как выражение абсолютного счастья, вызванного определенностью. И, напротив, тригонометрия запредельности, физика запредельности, метафизика, сплетающаяся с философией и религией, – не что иное как смятение человеческого разума, тревожная неопределенность, убийство логики, невозможность уравнивания, гибель тригонометрической красоты. Натяжение струны греческой лиры в кровь ранит пальцы играющего, но в сочетании боли и красоты рождается музыка – так и запредельность метафизики задвигает логику на задворки. С помощью неизбежной боли и крови, так и с помощью ужаса и восхищения перед хаосом запредельности возможно проще отнестись к логике, осознать и полюбить ее как высшую гармонию. Запредельность дарит изучающему вдохновение и жизненную силу.

Грешен, грешен есмь... *«Радуйся, дева Мария... сын твой от Тенгри... прости нам грехи наши...»* Оборвал строку в немецкой части венгерский копиист Дрюль, перенес на оборот страницы, резко прервал дыхание. Но есть радость, что Суманисус сохранился в целости, он жив и теперь в первозданном своем виде в результате цепи счастливых обстоятельств и случайностей. Теперь понимаешь это ясно и тревожно, боясь спугнуть, промолвив вслух, ведь язык – живой, жизненный, оживляющий.

Чувства врываются в твою жизнь неожиданно, ты не в силах управлять ими, метафизика побеждает. Ты – не есть я. Я и ты – есть мы. Сердце ухает вниз, бьется сильно и отчаянно, – все это, все, чем живу и во что верю, существует во мне, все-таки поверь, прочти постскрипtum, Александр, я люблю тебя.

I – Информация

Мы тонем в дьявольском потоке информации. Он растет ежеминутно. Плынешь в потоке, только открыл одну страничку Интернета. Великие события и рецепты буррито в одном флаконе, смешение великого и ничтожного в Интернете убивает любой пафос. Полонский в Камбодже, жилой комплекс с развитой инфраструктурой, новые факты о Варшавском восстании, гибридная война, звезды – жертвы фотошопа, контракт Лионеля Месси, как начать жизнь с чистого листа, поликлиники вводят в заблуждение граждан, новый двигатель «фольксвагена туарег», самый высокий небоскреб в ОАЭ... Можно заплакать, как заплакала перед экраном компьютера Лилу из «Пятого элемента».

В потоке информации – кто успевает что-то заметить? кто пробегает не только заголовки? И замираешь ненадолго, если в заголовке – о чьей-то смерти, и несешься дальше, отмеряя дни, годы, века. Смерть в «Фейсбуке» – страницы мертвцов,

их же страницы в телефонных мессенджерах. Страница мертвого поэта так и висит в «ФБ». А кто ее закроет? Он был одинок, распоряджений насчет страниц в соцсетях не оставлял. Последняя его мужественная и краткая запись о добровольном уходе из жизни, нестерпимо тяготившей по причине тяжелой болезни, как и его стихи и фотографии, так и висит, и случайный прохожий по страницам «Фейсбука» взглянет, вздохнет и поставит очередной грустный смайлик, как оставляют цветы или камни на кладбище. Он написал, оповещая мир о том, что покидает его в трезвом уме и твердой памяти, что видно из этих логичных, без жалости и слез, строк, и тотчас совершил это. Мы прочитали, и не смогли ничего сделать. Мы, знавшие его, живущие каждый в своем уголке мира, разные люди, прочитали эти строки. Он хотел уйти достойно, и он нашел такой способ сказать нам об этом. Страницы мертвецов, которые создали некогда живые, остаются, как эпитафии виртуального мира. Виртуальный мир породил свой вид захоронений. Так посылаешь грустные смайлики покойному другу на вотсап, и вдруг мертвец отвечает: «Зачем шлешь ты мне грустные смайлики?» Очень страшно это было. Оказалось, номер уже продали другому человеку.

К – Команико

Спряжения *chomanicho* истолковано францисканским миссионером, жившим в Кафе, как настоящее продолженное время: сейчас я иду, я существую, у меня есть пять листочков шафрана. Я – есть, мыслю, следовательно, существую. Я чувствую, значит, еще живу. Кто ты, автор, водящий пером по листу, такой податливый и торопящийся за сознанием, за живым чувством, потакающий собственным прихотям и при этом очень боящийся ошибиться, пытающийся быть объективным, насколько вообще может быть объективным живое человеческое существо, – кто ты есть, как не хранитель времени?

Трепещет над воспоминаниями, впечатлениями, обрывками фраз, хранит их, как хранят в чулане старый велосипед или чемодан без ручки, с нездоровым педантизмом архивариуса раскладывает все это свое богатство в ящички несуществующего бюро, сидит перед ним в воображаемом кресле. Бойтся потерять. Бойтся, но теряет, снова находит и раскладывает по ящичкам. Плохо помнит, куда положил ключи от дома, но воспоминания свои и ассоциации лелеет, мгновения тщится сохранить, а хуже того – вернуть из прошлого звуки, лица, слова, возродить, чтобы рассказать о них. Хорошенькое занятие, ничего не скажешь.

М – Мама

Она любит Гогена, Параджанова, Хамдамова, Жан-Поля Готье, Галлиано. Детство пронизано ее вещами, ее любовью к маленьким безделицам, к декоративным вещам – браслетам, коврам, покрывалам, вышитым скатертям, художественной керамике. Ее наряды, все с привкусом театральности: бархат, кружево, шифон. Веер, зеркальце с мамзелью Альфонса Мухи на обороте. Туфли ее всегда открытые, на шпильках, их почти и не видно, настолько тонки перемычки и ремешки. Их невозможно носить. Только если ездишь на автомобиле с водителем. Полная беззащитность, хрупкость. Как она носит их? С тонкими ремешками. Бархатные бордовые туфли на тонком высоком каблуке.

Авангард-винтаж-авангард-винтаж-шелк-кожа шелковистая-запах dior. Снова кружево, чулки со швом, серебряные босоножки на стеклянном каблуке. Как она

носит эти шпильки? Это страшно, будто открытый космос – на таких шпильках нельзя устоять, упадешь, подвернешь ногу, нет земли под ногами, бездна вокруг. Шпильки меняют мой взгляд на жизнь – я боюсь, что не выстою на них и погибну или получу травму. Боюсь боли.

А у нее высокий подъем – ножка крепкая, устойчивая. Не боится высоты каблучков, очень смелая: «Ты влюбилась? Он хороший человек?»

N – No name. Переводчик

Переводчик, интерпретатор, предатель. Он один знает то, что знают двое. Проверить переводчика симультанно – невозможно, да и кто будет проверять? Ведь нет абсолютной оценки для интерпретации, это не копия. Такого сделать человек не может, это дело высших сил. Даже копия, по сути, – интерпретация.

Народ создал метафоры, сохраненные в Sumanicus. Это все же какие-то конкретные люди сочиняли, талантливые, а другие подхватили. «Кровь есть у стекла – это огонь, он разливается ящерицей по черноте». Ящерицей. У стекла есть кровь. Я испытываю ревность к восхитительным выдумкам. Чудесны эти выдумки.

O – Oro. Золото

Слово – самое точное орудие, какое было когда-либо у человека, но филология еще не достигла точности угаданного слова. Ей пристала скромность. Она при слове, а не слово при ней.

А. Битов «Уроки Армении»

Огромный зал библиотеки Марчиано, сверху тянутся бесконечные балюстрады с книжными полками, сверху из арки смотрит скульптура Петрарки. Чувствуешь себя таким маленьким в царстве книг. Письма из Министерства культуры и от университета помогли проникнуть в каталог Восточных рукописей. Маленькая книга формата кватро, в пергаменте кофейного цвета, вот она. Я смотрю на нее, стараясь унести в ощущениях все до мельчайших подробностей, трещины переплета, ровность букв неизвестного монаха, скрипевшего тростниковым каламом в скриптории монастыря в городе Сарае, водяные знаки, печати владельцев и библиотекарей на страницах хрупких и сильных, красочные инициалы, легкие полупрозрачные фигуры людей и животных, набегающие на текст. Смотрю, чтобы после встречи с Кодексом войти во второй, другой этап своей жизни, уже с новой «памятью восторженной и дырявой», как пишет Андрей Битов. Руки библиотечного скриптолога в перчатках ловко управляют со страницами, к которым боязно прикоснуться. Названия камней и металлов, званий, титулов и гражданских прав, птиц и зверей, тканей и пряностей, ремесел и инструментов. Фотокамера щелкает без вспышки, тихо и стеснительно. «*Argentum – Cumis*», «*Ferrum – Temir*», «*Imperator – Khan*», «*Rex – Soltan*», «*Princep – Beg*», «*Curia – Orda*», «*Necesse est – Kerek*»... Снова молитвы, и снова словарь, спряжения, числительные, падежные окончания, названия стран мира и планет, словарь общения, словарь немецкий с арабскими транскрипциями персидских слов, заметки по фонетике.

Солнце идет к зениту и щедро заливает светом гиацинты, заключенные в литую резную ограду. Сбрасываешь одну туфлю, чтобы поболтать ногой в зеленой воде канала, сидя на горячих камнях мостовой. Мы смотрим, как гондольер

выруливает на Большой канал и неторопливо гребет, напевая песенку. Песенка простая, о гиацинте, который рад, когда светит солнце, и грустен, когда накрапывает дождик. Негромкий и светлый тенор, приятный, как теплое молоко. Мимо, ненадолго заглушив песенку, пробегает водный трамвайчик. Лодочник завернул в мастерскую, что на пути к пристани Сан Базиль.

На площади Манин мы покупаем зелень, томаты и сыр. Кажется, это счастье будет длиться бесконечно.

– Выходи за меня?

Мы долго идем узкими улочками, мимо витрин с цветным стеклом, уличных лавок с карнавальными масками, толкаясь в толпе туристов.

Р – Поэм

Если вы бывали когда-либо в ущелье Медео близ Алма-Аты в октябре, вы согласитесь, что краше этих мест, дышащих всеми красками осени, от теплых, золотых до багровых, холодных и синеватых, трудно найти в мире. Я люблю эти горы и холмы, поросшие густыми травами, дымчатым ельником и, конечно, сильными и густыми яблонями, асфальтовую дорогу, уводящую далеко в горы, яркое южное небо и непривычный для приезжего разреженный воздух. Здесь я родилась, в городе душном и задымленном, подпираемом снизу, с низменности, промышленными предприятиями, и уходящем вверх, в горы, в поднебесный климат и нетронутую альпийскую природу. Люблю эту землю безотчетно, инстинктивно, как ребенок любит мать, живу давно уже далеко отсюда, и дышу воспоминаниями о детстве, проведенном здесь, как человек дышит кислородом. Но, как говорил Чаадаев, выше любви к Родине – любовь к истине. И потому, уповая на высший разум и отдаваясь течению времени, стараюсь припомнить все, не лукавя, прося лишь путем припоминания понять, открыть что-то более важное, ради чего стоит жить, и заплакать, принимая все, что было, и радоваться, прося прощения и спасения.

S – Sus. *Рукопись, не вошедшая в Абердинский bestiарий*

Свиньи – социальные животные, и в своем обществе всегда образуют строгую иерархию. Самый крупный самец доминирует даже в небольшом стаде. Вопрос о лидере решается путем поединков, в результате чего вожаком становится наиболее сильная особь.

Джойс писал в метафорическом смысле, что, мол, «Ирландия, как старая свинья, пожирает свой помет». Но и Хронос пожирал своих детей.

Существует предубеждение, что свиноматка без хвоста, как воплощение самого дьявола, поедает поросят. Природа устроила так, что свиноматки едят поросят в случае плохого прикорма, от голода и жажды. Взрослые особи проходят мимо погибающих поросят совершенно равнодушно. В связи с этим возникает вопрос об отсутствии у свиней интеллекта. Но дело в том, что свинья чувствует приближение смерти. Она улавливает приготовление к убою, которое проводят хозяева, слышит звуки, голоса, видит какие-то действия, и это заставляет ее прятаться в глубине загона.

При кормлении к кормушке подбираются первыми доминирующие самцы, и более слабым особям может постоянно не хватать корма, вследствие чего они могут заболеть или издохнуть.

Свиньи могут проявлять агрессию к своим соплеменникам. Это происходит в случаях тесноты в загоне, при борьбе за корм, при плохих условиях содержания. При хорошем питании, в хорошо организованной жизни в загоне социум свиней настроен более дружелюбно.

Поначалу это было священное животное древних египтян. В образе черной свиньи являлись людям два божественных родных брата – Осирис и Сет. Осирис научил людей земледелию, виноделию, садоводству. Но после того как Сет победил Осириса в битве за власть и надругался над его телом, отняв его мужское достоинство, боги прокляли Сета. С тех пор свинья, как священное животное Сета, стала «отвращением для богов», нечистым животным. Досадно, что далее данное отношение к свинье переключалось в Ветхий Завет и Коран. Тем не менее небесная богиня Нут еще долго изображалась древними египтянами вместе с маленькими звездочками в виде поросят.

U – Urban

«Тот не любит города, кто не ценит его рубища, его скромных и жалких адресов, кто не задыхался на черных лестницах, путаясь в жестянках, под мяуканье кошек...» – чудесно, точно, чувственно написал О. Мандельштам в «Холодном лете».

В то время качнулся роскошный, блистательный Кузнецкий мост, раздвинулись здания, оторвалась ветвь Ар Нуво от стены и полетела в небе над банкирскими зданиями, булыжная мостовая пошатнулась под ногами. Волнение залило светом постепенно, как неон окатывает улицы в октябрьских сумерках, и все в мире стало уютно, как на рождественской открытке, живописно блистала каменная мостовая в свете фонарей, и очертания домов становились резче, чувственнее, осязались физически. Все, ради чего бьется сердце, ради чего совершаются открытия, ради чего начинается утро и приходит ночь, это был он. Были его слова о мобилизации на военные сборы в Харькове, – этого не могло быть, но это случилось. Сердце ухнуло вниз. Слезы ни к чему, нам осталось молчание и неизвестность. «Это скоро закончится, скоро, я знаю... Не будем плакать, верно? Телефон у меня будет, там разрешается, я узнал. Ты поняла? Ты слышишь?»

Z – Зифалом

Книга Зифалома была для меня открыта и известна в той степени, которая была нужна для исследования Кодекса, книга городка Зифалома, где мы посетили библиотеку музея венгерского языка. Теперь все, что касалось Кодекса, врывалось в эту книгу в виде живых картин.

Небольшой зал в стиле залов современного искусства демонстрировал слова на табличках, развешенные на веревочных шнурах, как на ветвях дерева, от одного корня во все стороны зала. Школьники, пришедшие на экскурсию, разглядывали слова, висящие в воздухе на табличках, преломляющих свет солнечных лучей, падавших в высокие окна.

За окном автобуса из Зифалома в Токай мелькали виноградники, в этом году залитые дождевой водой. В Токае рано утром на маленьком подворье винодела мы застали Атилла, его хозяина, врасплох. Атилла обрадовался иностранным гостям, заговорил по-английски, накрыл столик во дворе, поросшем подсолнухами и с глиняными горшками на плетне. Отпер свой винный шкаф, предлагая выбрать

бутыль на свой вкус. Из темноты винодельни его фигура темнела на фоне подсолнухов в ярком солнечном свете. Он поднял глаза к нему, глотнул абрикосовой настойки из маленького стеклянного стаканчика, улыбнулся, глядя на нас, на свой двор, на подсолнухи, и удовлетворенно сказал: «*Life is miracle!*» В тот момент, когда еще не было ясно, чем окончится путешествие книги, когда тот, кто вез ее, рисковал быть убитым, сгинуть на долгом и опасном пути, потеряв этот труд навсегда для мира и для людей, – перевозчики везли ее бережно, она была им очень нужна. Мой путь за книгой был окончен, жизнь внесла свои коррективы, она шла своим естественным ходом. Но мы всегда храним красоту и любовь, которую дарит нам наш путь, мы не можем это потерять, даже если не знаем, чем это закончится. Хрупкость жизни не пугает нас, когда мы обретаем нечто прекрасное, как эти буквы и слова на страницах старой рукописи, мы не можем это потерять. Жизнь продолжалась, дописывая свои строки в книгу, которую мы пишем каждый о себе.

2015

Асель Омар родилась в Алма-Ате. Окончила Литературный институт имени М. Горького. Писатель, кандидат философских наук, PhD, член Русского и Казахского ПЕН-Центров, Союза писателей Казахстана, Союза писателей Москвы. Награждена грамотами Правительства Москвы за вклад в культуру, Золотой Есенинской медалью Союза писателей России.

